

—
Чжоу Яньянь быстро получила ответ от Сюй Нина.

Она то смотрела в экран, то на Лян Чэнъяня за кафедрой. В ее взгляде читались одновременно восхищение и благоговение. Она украдкой протянула телефон Цзян Цяо, чтобы тот тоже увидел.

Цзян Цяо, не понимая, в чем дело, опустил глаза к переписке.

[Сюй Нин: Никакой смены профиля... Чэн-гэ на бакалавриате получил двойную степень, одна из которых — английский язык. И он сдал TEM-8 (профессиональный восьмой уровень).]

Чжоу Яньянь указала на Лян Чэнъяня, подняла большой палец и беззвучно прошептала: «Крут».

Двойная степень, профессиональный восьмой уровень английского.

Цзян Цяо согласно кивнул. В конце концов, на их факультете балета требовалось сдать лишь второй уровень.

Цзян Цяо обычно не заходил на форумы и не следил за школьными сплетнями. К тому же Лян Чэнъянь раньше учился в другом филиале университета, так что Цзян Цяо, естественно, ничего о нем не знал.

Однако завсегда на форумах были прекрасно знакомы с этой личностью.

В университете Цинда были две знаковые фигуры: Цзян Цяо с факультета хореографии и Лян Чэнъянь с экономического.

Лян Чэнъянь получил дипломы по математике и деловому английскому. За четыре года он неоднократно представлял университет на математических олимпиадах и брал золото. Помимо личных заслуг, его семейный бэкграунд был настолько впечатляющим, что заставлял многих держаться на почтительном расстоянии.

На форуме как-то висела ветка с обсуждением его семьи, и подробности, которые выдавали инсайдеры, одна за другой поражали воображение.

Взять хотя бы нынешнее столетие университета: его семья была не просто спонсором торжественного концерта — они выделили средства на строительство нового учебного корпуса в честь векового юбилея Цинда.

Кто-то не удержался от шутки:

— Какой сегодня ветер подул? Сразу два наших «босса» в одной аудитории. После пары пойду куплю лотерейный билет!

— Зачем покупать? Мы уже как будто джекпот сорвали! Старший Лян, я твоя фанатка! В этом году на выборах «красавчика школы» первой проголосую за тебя!

Остальные рассмеялись, атмосфера в классе становилась всё непринужденнее.

Лян Чэнъянь не обижался на добродушные подколки младших, справляясь с ситуацией с легкостью:

— Спасибо за признание. Если не ошибаюсь, под вторым «боссом» вы имеете в виду нашего студента Цзян Цяо?

Цзян Цяо, внезапно оказавшийся в центре внимания, не понял намерений Лян Чэнъяня и вскинул голову, нечаянно встретившись с ним взглядом.

Цзян Цяо: «??»

Все хором ответили:

— Именно!

И Цзян Цяо, и Лян Чэнъянь были героями обсуждений на форумах. Трудно было сказать, у кого из них больше фанатов. Темы, посвященные им обоим, всегда висели в топах, а некоторые даже устраивали голосования в духе «кто популярнее».

Раньше Лян Чэнъянь был в другом кампусе, а Цзян Цяо в этом — они жили как два короля в разных королевствах, не пересекаясь.

Парень, сидевший перед Цзян Цяо, активно замахал рукой:

— Да-да, Лян-шисюн, второй — это Цзян Цяо с балета, он сидит прямо за мной. Вы тоже его знаете?

Лян Чэнъянь незаметно отвел взгляд от Цзян Цяо и искренне произнес:

— Наслышан. Был потрясен его талантом.

Цзян Цяо: «...»

Неважно, говорил ли Лян Чэнъянь всерьез или просто поддерживал атмосферу, это очень воодушевило студентов, кто-то даже свистнул.

Даже Чжоу Яньянь не удержалась:

— Цзян Цяо, Лян-шисюн знает о тебе!

Цзян Цяо оставался невозмутим. Он услышал, как Чжоу Яньянь пробормотала что-то еще, но голос был слишком тихим — он разобрал лишь обрывок фразы: «Хорошо, что Сюй Цяньюй здесь нет».

— Ладно, на этом вступительная беседа окончена, — Лян Чэнъянь вовремя остановился, призывая всех к тишине. Он включил проектор и начал выбирать фильм: — Начнем занятие.

Поскольку он не был штатным преподавателем, он не обязан был строго следовать плану урока. Чтобы не нарушать ритм обучения учителя Яна, он выбрал просмотр фильма в оригинале.

В классе постепенно воцарилась тишина. Лян Чэнъянь сел на стул сбоку.

Он запустил старую картину под названием «Столкновение молчания и предубеждения».

Фильм рассказывал о Салли, матери из простого сословия. Ею двигало типичное желание «сделать из сына человека». Когда ее сыну Майку исполнилось пять лет, она отдала его в музыкальную школу, надеясь, что он станет великим музыкантом.

Однако у Майка не было способностей к музыке. Как бы он ни старался, результат был посредственным. Педагоги деликатно намекали Салли на положение дел, но она винила во всем школы и сменила три учебных заведения. Итог остался прежним.

Майк признался матери, что любит футбол, а пение — нет. На это Салли отреагировала истерикой и на глазах у сына изрезала его футбольный мяч в клочья. После этого их ссоры стали регулярными. Под авторитарным гнетом Салли Майк становился всё тише, пока окончательно не потерял способность говорить.

В финале Салли умирает от болезни. Перед смертью она сжимает руку сына, умоляя его напоследок назвать ее мамой. Майк открывает рот, слезы текут по его щекам, но он так и не может издать ни звука. Салли закрывает глаза, полная раскаяния.

Когда фильм закончился, Лян Чэнъань поднялся и включил свет.

Он подошел к кафедре и указал на экран:

— Спиноза когда-то сказал: «Люди меньше всего могут властвовать над своим языком, и всего менее могут они сдерживать свои желания».

— Как видно из финала истории, деспотичное давление неприемлемо, — Лян Чэнъань сделал паузу и обвел взглядом аудиторию. — Перейдем к интерактивной части. Выберем студента для высказывания... Цзян Цяо.

Цзян Цяо, всё еще погруженный в мысли о фильме, вздрогнул, услышав свое имя.

Лян Чэнъань:

— Предубеждение Салли — это ее желания. А чем является молчание Майка? Ответь нам.

Под взглядами сокурсников Цзян Цяо встал и тихо ответил:

— Защитой.

— М-м? — с интересом переспросил Лян Чэнъань. — Почему?

Цзян Цяо посмотрел на него:

— Потому что споры, оправдания и просьбы были бесполезны. Позиции Майка и Салли изначально были неравными. Молчание стало для него последним способом сохранить и защитить свое достоинство.

Лян Чэнъань не ожидал такого ответа, но в контексте фильма это было абсолютно верно.

— Отличное понимание, очень глубокое, — не поспешил он на похвалу. Жестом пригласив Цзян Цяо сесть, он продолжил: — Вернемся к теме. Речевая активность — важнейшее условие социального взаимодействия. Долгое время проблема «выдачи» информации в английском языке у студентов была вопросом первостепенной важности.

Лян Чэнъань написал на доске иероглиф «Выдача» (出) — почерк был твердым и энергичным.

Его стиль преподавания был свободнее, чем у профессиональных педагогов, но он умело держал ритм, сочетая теорию с практическим анализом. Студентов, которые поначалу пришли просто поглазеть на «звезду», постепенно захватил сам процесс. В отличие от других учителей, заиклившись на учебниках и тестах, Лян Чэнъянь делал упор на реальное применение языка в жизни.

Все слушали его затаив дыхание, даже Цзян Цяо невольно увлекся.

Ближе к концу пары Лян Чэнъянь сказал:

— Осталось десять минут. Выберем последнего студента для проверочного теста.

Его взгляд прошелся по классу и остановился на Цзян Цяо, который старательно делал записи. В глазах Лян Чэнъяня промелькнула едва заметная улыбка.

— Студент Цзян Цяо.

Снова вызванный Цзян Цяо отложил ручку и опять поднялся.

— Прости, что снова вызываю тебя, — улыбнулся Лян Чэнъянь и добавил как бы в оправдание: — Но в этой аудитории я знаю только тебя. Помоги нам закончить тест. Есть трудности?

Цзян Цяо не знал, что именно придется читать, но текущая программа не была для него сложной:

— Нет.

Лян Чэнъянь знал это — перед парой он специально навел справки у учителя Яна. Он кликнул мышкой, и на экране появился текст полностью на английском.

«...» — увидев содержание, Цзян Цяо на мгновение лишился дара речи.

Обещали «речевую выдачу», а подсунили любовную сонетку Шекспира.

Остальные тоже заметили это, по залу пошел шепоток, кто-то даже выдал «О-о-о!».

Лян Чэнъянь, словно только что обнаружив ошибку, причмокнул и с извиняющимся видом произнес:

— Похоже, я открыл не ту версию плана урока. Моя оплошность. Но пара скоро заканчивается, переключать — только время терять. Цзян Цяо, сочти это за случайную тренировку чтения.

Сегодня Лян Чэнъянь был в роли куратора, поэтому спорить было неуместно. Цзян Цяо начал читать текст с экрана:

Let me not to the marriage of true minds

(Препятствий я союзу верных душ)

Admit impediments. Love is not love

(Не признаю. Любовь не есть любовь)

...

Love alters not with his brief hours and weeks

(Любовь не властна времени часам)

But bears it out even to the edge of doom

(Она стоит до гробовой доски)

If this be error and upon me proved

(Коль это ложь и здесь моя вина)

I never writ, nor no man ever loved

(Я не писал, и мир любить не мог)

Это был гимн чистой любви, выражающий пылкие и глубокие чувства. Голос Цзян Цяо, холодный и чистый как нефрит, напоминал утренний туман — неуловимый и загадочный. В сочетании с текстом это создавало неповторимое звучание.

Пока он читал, Лян Чэнъянь не сводил с него глаз. Впрочем, как и весь класс.

Когда он закончил, первой мыслью у всех было: «Какое идеальное произношение!». Второй: «Высокогорный цветок действительно холоден — даже любовные сонеты читает так отстраненно, что никакой любви в голосе не чувствуется».

Лян Чэнъянь первым зааплодировал и посмотрел на часы:

— Есть ли еще вопросы?

Девушка с первого ряда подняла руку:

— Лян-шисюн, я слышала, днем будет матч против университета Т. Ты будешь играть? Пустят ли нас в спортзал поболеть за тебя?

— И я, и я хочу! — подхватила другая. — Мы всей комнатой придем.

— Конечно, буду очень рад, — улыбнулся Лян Чэнъянь и объявил об окончании пары.

Учителя, которые не задерживают студентов после звонка — самые любимые. Студенты проскандировали: «Да здравствует Лян-шисюн!» и начали собираться.

Лян Чэнъянь выключил проектор. Несколько девушек подошли расспросить его о матче. Он бросил взгляд в сторону Цзян Цяо и увидел, что тот уже выходит из аудитории вместе с соседкой по парте.

У выхода из корпуса Цзян Цяо разошелся с Чжоу Яньянь — она жила в общежитии, а он снимал жилье.

По дороге домой ему пришло сообщение от Лян Чэнъяня: он спрашивал, придет ли Цзян Цяо в спортзал посмотреть игру.

Цзян Цяо не любил шумные места, но, вспомнив, что зонт Лян Чэнъяня всё еще у него, не стал отказывать прямо. Он ответил: «Посмотрю по обстоятельствам».

[Лян Чэнъань: Хорошо. Если придешь — дай знать.]

[Цзян Цяо: Ок.]

Перед выходом днем Цзян Цяо засунул зонт в рюкзак, решив найти момент и вернуть его.

Присутствие этого зонта вызывало у него странное, двусмысленное чувство.

От автора:

Лян Чэнъань: Случайным образом выберем одного маленького лебедя, чтобы он ответил на вопрос.

Цзян Цяо:

Сонет №116 Уильяма Шекспира.

—

<http://bllate.org/book/17598/1637227>